

Хань Чаншэн не пытался ничего отрицать. Лю Сяоци распознавал людей по запаху, и неважно, как замечательны были его навыки маскировки или актерские способности, он не смог бы скрыться от Лю Сяоци.

- Давай поищем какое-нибудь более уединенное место для разговора, - сказал Хань Чаншэн.

Они вдвоем отошли от гостиницы и направились к безлюдному переулку. Оказавшись там, Хань Чаншэн спросил:

- Почему ты пришел?

- Я... я здесь, чтобы увидеть тебя, - пробормотал Лю Сяоци. - Сегодня днем я видел, как ты сражался с эр шисюном на арене. Затем я выследил тебя по запаху.

Хань Чаншэн спросил:

- Выследил меня? Тогда почему ты не вошел в гостиницу и не поднялся наверх?

Опустив голову, Лю Сяоци ничего не ответил.

Хань Чаншэн понял, что он просто не посмел броситься напролом, поэтому произнес:

- Хорошо, тогда почему тебе понадобилось со мной увидеться?

Лю Сяоци слегка оробел, но в итоге все-таки набрался смелости и поднял взгляд на Хань Чаншэна, спросив:

- Да шисюн... Я имел в виду... Кто же ты?

Уголки губ Хань Чаншэна дрогнули:

- Называй меня Хань Инцзюнем или братом Хань, - сказал он, но предупредил: - Можешь называть меня так, только когда больше никого нет поблизости.

Лю Сяоци со слезами на глазах воззрился на Хань Чаншэна. Ему не разрешалось называть это имя при посторонних, означало ли это, что Хань Чаншэн относился к нему иначе, чем к остальным?

- Ты все еще не хочешь рассказать, зачем искал меня? - спросил Хань Чаншэн.

Лю Сяоци опустил голову и в явной растерянности принялся тереть край одежды. Но спустя мгновение он все-таки набрался смелости и сказал:

- Брат Хань, то, что я собираюсь тебе рассказать, имеет для меня очень большое значение, поэтому сначала я обязан задать тебе несколько вопросов. Кто ты на самом деле?

- Без комментариев, - отозвался в ответ Хань Чаншэн.

Лю Сяоци прикусил губу, а затем прошептал:

- Что ж, тогда, какие отношения связывают тебя с эр шисюном?

Хань Чаншэн, нахмурившись, задумался на мгновение, после чего произнес:

- Мы с ним друзья. А какое отношение это имеет к тому, что ты хочешь мне рассказать?

- Я... я... - попытался сказать Лю Сяоци.

Прошло немало времени, а он так и не смог ответить на этот вопрос. Хань Чаншэн, с нетерпением ожидавший ответа, спросил:

- Что такое?

Лю Сяоци сделал глубокий вдох и заговорил:

- Брат Хань, почему ты раньше расспрашивал меня о Сю Даомэнь?

Хань Чаншэн и сам хотел спросить его о Сю Даомэнь, вот только боялся, что тот опять как в рот воды наберет. Неожиданно, но Лю Сяоци по собственному желанию первым упомянул эту секту. Хань Чаншэн на мгновение задумался: если их обоих будут терзать сомнения и недоверие, то ни один из них не решится заговорить первым, отчего расследование далеко не продвинется. После столь длительных поисков, выяснилось только то, что Лю Сяоци - единственный человек, напрямую связанный с Сю Даомэнь.

Поэтому Хань Чаншэн выложил ему правду:

- Из-за усадьбы Тяньюань.

Лю Сяоци замолчал. Немало времени спустя он спросил:

- Потому что эр шисюн из усадьбы Тяньюань?

Хань Чаншэн кивнул:

- Он должен был стать молодым господином усадьбы на горе Тяньюань. Однако теперь, лишившись своего господина, усадьба Тяньюань пришла в упадок и окончательно обветшала.

Лю Сяоци горько рассмеялся:

- У брата Хань с эр шисюном такие хорошие отношения. Ты из-за него пришел в секту Юэхуа?

Хань Чаншэн понятия не имел, как ответить на этот вопрос, поэтому предпочел промолчать.

- С тех пор, как эр шисюн отправился в Наньшань, чтобы доставить письмо, - сказал Лю Сяоци, - как его запах, так и характер внезапно переменялись. Однако в то время я особо не задумывался об этом. Я подумал, что эр шисюн изменил некоторые привычки, что и его запах заставило измениться. Возможно, оказавшись за пределами секты, эр шисюн встретился с братом Хань? Я просто не знаю, куда исчез настоящий да шисюн...

- А это имеет значение? - спросил Хань Чаншэн.

Лю Сяоци покачал головой:

- Нет, мне очень нравится брат Хань. Когда я только вступил в секту Юэхуа, все надо мной издевались, и только брат Хань хорошо ко мне относился и не позволял остальным запугивать меня. А еще брат Хань ловил плохих людей, вроде близнецов Иня и Ян Ша. Ты - великий герой.

И снова Хань Чаншэна принялись восхвалять как героя. Его сердце словно пронзило тысячей стрел от одной мысли о том, что его, главу демонической секты, называют "великим героем". Он будто язык проглотил.

Сделав глубокий вдох, Лю Сяоци произнес:

- Я верю брату Хань, поэтому готов рассказать тебе о своей жизни. Брат Хань был прав. Я из Сю Даомэнь. Брат Хань подозревает, что в убийствах, которые произошли в том году в горной усадьбе Тяньюань, виновна секта Сю Даомэнь?

- Нет. Сю Даомэнь, возможно, причастна только к убийству Хуанфу Тугэня, главы усадьбы Тяньюань. Остальных жителей горной усадьбы убили другие люди.

Это ошеломило Лю Сяоци:

- Вот оно как...

Увидев, что он, казалось бы, не совсем ясно представляет себе, что там случилось, Хань Чаншэн ощутил, как у него на сердце похолодело. Изначально он надеялся узнать правду от этого юноши, но, похоже, Лю Сяоци и сам толком ничего не знал. В конце концов, ему тогда было всего два года.

Однако Хань Чаншэна удивили следующие слова Лю Сяоци:

- Я думал, что мы просто не смогли бы напасть на горную усадьбу Тяньюань. Все-таки мы находились за тысячи миль от нее, и наша маленькая секта не смогла бы отправить много людей. Но если это только господин Хуанфу, - он прикусил губу, и его лицо омрачилось. - Будучи ребенком, как-то раз я подслушал, как мой отец и глава секты говорили о том, как сожалеют о случившемся в усадьбе Тяньюань. Мне стало любопытно, поэтому я поспрашивал и узнал о разрушении горной усадьбы Тяньюань, с которого сейчас уже минуло пятнадцать лет. Я не знал, всерьез они сказали это или же нет, но такое всегда казалось мне невозможным. В то время, хотя я был молод, но уже немного разбирался в происходящем в этом мире и никогда не слышал, чтобы люди из Сю Даомэнь добирались до самой префектуры Тяньдао. Выходит, я мог ошибаться...

Хань Чаншэн испытал потрясение:

- Правда? Неужели это действительно дело рук Сю Даомэнь?

Лю Сяоци прикусил губу и, заикаясь, проговорил:

- Я... я не знаю. Я тогда спросил отца и главу секты, но они наказали мне не задавать лишних вопросов и ничего не рассказали. Только потому, что они говорили, будто сожалеют о случившемся в усадьбе Тяньюань, я засомневался и заподозрил их в причастности к этому делу.

- Твой отец и остальные... - начал было Хань Чаншэн.

- Несколько лет назад, - сказал Лю Сяоци, - нашу секту Сю Даомэнь уничтожили, спастись удалось только мне.

Хань Чаншэн уже слышал об этом, но, когда все подтвердилось, испытал лишь сожаление. Он столько времени потратил на поиски убийцы отца Ань Юаня. Если убийство действительно совершила Сю Даомэнь, то этой секты больше не существовало, а Лю Сяоци не имел к случившемуся ни малейшего отношения. Мертвые не могли говорить. Тогда как они смогут подробнее узнать о событиях того года?

- А почему ты вступил в секту Юэхуа? - спросил Хань Чаншэн.

- По двум причинам, - сказал Лю Сяоци. - Одна из них заключается в том, что у главы нашей секты и главы Юэ Пэна были хорошие отношения. Когда я был ребенком, глава секты говорил, что надеется на то, что я смогу обучиться навыкам владения мечом, и собирался отправить меня на два года в секту Юэхуа, когда я подрасту. Только мне удалось избежать той резни, после чего несколько лет я скитался, не имея пристанища. Мои боевые искусства находились на таком низком уровне, что мне с трудом удавалось выживать на улице. Вот так загнанный в угол я отправился в секту Юэхуа.

Хань Чаншэн снова задал вопрос:

- Юэ Пэну известно, что ты из Сю Даомэнь? Не так уж он и заботится о тебе. Чтобы это понять, достаточно взглянуть на то, как его дочери нравится над тобой издеваться.

Лю Сяоци покачал головой:

- Глава не знает. Я никому об этом не говорил, поскольку не знаю, кому можно доверять. Брат Хань, ты - первый человек, узнавший, кто я такой.

Хань Чаншэн ошеломленно застыл. Почесав свой нос, он спросил:

- А что насчет второй причины?

- Второй причиной был эр шисюн, - сказал Лю Сяоци.

- Да ладно? - нахмурился Хань Чаншэн. - Почему именно Ань Юань?

Лю Сяоци горько улыбнулся:

- Брат Хань помогает эр шисюну свершить его кровную месть, вот и я тоже хочу отомстить за Сю Даомэнь. Наша секта всегда держалась в стороне от конфликтов и практически не имела врагов. Говорят, будто Сю Даомэнь вырезали за то, что мы оскорбили поселившуюся по соседству шайку бандитов. Да, неподалеку от Сю Даомэнь засели бандиты, но глава и старейшины поймали их предводителя, чтобы защитить от их нападок живущих поблизости обычных людей. Это было всего лишь несколько молодых людей, которые пошли по кривой дорожке и подались в бандиты. За исключением тех, кто совершил серьезные преступления и был казнен, все остальные отделались парой слов выговора. С тех пор прошло три-пять месяцев, когда в один прекрасный день к нам внезапно нагрянула группа мастеров боевых искусств, которая принялась направо и налево вырезать наших людей. Так и случилась эта трагедия...

Помолчав, он продолжил:

- Даже при том, что боевые искусства Сю Даомэнь, связанные с техникой ножа, никогда не

отличались силой при нападении, разве простые бандиты могли оказаться настолько сильны? Смогли бы они напасть на всю секту и подавить сопротивление ее практиков? К тому же та шайка уже давным-давно распалась. Конечно же, они не могли этого сделать.

- И как все это связано с Ань Юанем? - встрял Хань Чаншэн.

- После своего побега, - сказал Лю Сяоци, - я отправился на поиски так называемых "горных бандитов", которые ворвались к нам в тот день, но так и не смог их отыскать. У меня ушли годы на расследование. Наша Сю Даомэнь всегда была лишь маленькой сектой без какого-либо желания громко заявить о себе. Мы только изредка обменивались навыками боевых искусств с другими сектами и не присутствовали на конференции Улинь. Мы предпочитали посвящать свое время искусству смешивания благовоний, чтобы заработать на жизнь. Все люди в секте вели благополучную и благотворную жизнь.

- Когда подрос, я снова вспомнил о тех бандитах. Тогда я подумал, что они больше походили на наемных убийц. И чем больше я размышлял об этом, тем сильнее не понимал, кого мы могли настолько обидеть. Даже если нас решили вырезать, у нас были лишь тривиальные, незначительные конфликты, они никак не могли оправдать такое возмездие. Единственным, что приходило мне в голову, было несчастье, случившееся в горной усадьбе Тяньюань, но мой отец и глава секты после того случая всегда держали рот на замке.

- А? Значит, ты подумал, что это Ань Юань заплатил наемным убийцам, чтобы те перебили всех в твоей секте? - спросил Хань Чаншэн.

Лю Сяоци тут же сказал:

- Я уже знаю, что эр шисюн очень добр и никогда бы так не поступил. Я всего лишь услышал, что молодого главу горной усадьбы Тяньюань приняли в секту Юэхуа, а затем вспомнил, что глава моей секты тоже дружил с главой секты Юэхуа. Поэтому я тоже вступил в нее, собираясь посмотреть, не удастся ли мне выяснить там что-нибудь о собственной секте.

Хань Чаншэн ухмыльнулся. И почему всё кажется все более и более сложным? Он даже об усадьбе Тяньюань еще толком ничего не узнал, а тут ко всему прочему присоединилась загадка случившегося в Сю Даомэнь. Возможно ли, что из-за сожаления, которое испытывали по отношению к усадьбе Тяньюань знавшие все подноготную этой истории люди из Сю Даомэнь, человек, убивший Хуанфу Тугэня, специально заплатил тем наемным убийцам, чтобы заставить их замолчать?

Хань Чаншэн произнес:

- Тебе известна еще какая-нибудь секта в Цзянху с техникой владения ножом, похожей на технику Сю Даомэнь, основанную на изгибах и поворотах?

Ошеломленный Лю Сяоци какое-то время поразмыслил об этом, а затем покачал головой:

- Ни одна не приходит в голову.

- Это странно, - пробормотал Хань Чаншэн. - Раз уж ты помнишь, с кем у твоего отца и главы твоей секты были хорошие отношения, то, может быть, знаешь и что пятнадцать лет назад происходило в секте?

Лю Сяоци только вздохнул:

- Прошло столько лет, я расспрашивал об этом многих людей, но никому и ничего не известно.

Хань Чаншэн раздраженно фыркнул, а затем ему внезапно вспомнился таинственный эксперт, с которым он столкнулся посреди ночи на задней стороне горы секты Юэхуа. Он спросил:

- Кстати, в последнее время в секте Юэхуа не появлялись какие-нибудь незваные гости?

На лице Лю Сяоци появилось озадаченное выражение:

- Я ничего об этом не слышал.

- Правда? Тогда кто это был? - пробормотал Хань Чаншэн. - Кроме старейшины Лань Фана, кому еще было позволено находиться в запретной зоне на задней стороне горы?

- Я вступил в секту Юэхуа уже довольно давно, - сказал Лю Сяоци, - и много слышал о старейшине Лань Фане, но никогда не встречался с ним. Я не понимаю, о чем меня спрашивает брат Хань.

Они оба с озадаченным видом нахмурились. На этой ноте их разговор прервался. Стояла уже поздняя ночь, и в переулке стало настолько темно, что Хань Чаншэн не видел собственных пальцев, когда протянул руку и похлопал юношу по плечу.

- Пока что возвращайся к себе, позже я сам к тебе забегу.

Лю Сяоци кивнул.

- Кстати, - снова заговорил Хань Чаншэн, - а почему Юэ Пэн взял на конференцию Улинь тебя с Юэ Юй'эр?

Лю Сяоци ответил:

- Он беспокоился о да шисюне и эр шисюне. Старейшину Лань Фана и старика Сюаньцзи нашли мертвыми на задней стороне горы, а Меч Поющего Дракона исчез. В то же время

неизвестно куда пропали да шисюн с эр шисюном. Глава секты долгое время посылал на ваши поиски разных людей, но так и не получил никаких новостей. Он задался вопросом, не появись ли вы на конференции Улинь, к тому же здесь можно было собрать больше информации. У нас со старшей сестрой были с тобой самые лучшие отношения, поэтому глава секты привел нас сюда в надежде, что нам удастся тебя отыскать, или, если ты не захочешь возвращаться, мы должны будем тебя убедить.

Хань Чаншэн рассмеялся:

- Вот оно как. Хорошо, теперь возвращайся и как следует отдохни.

Лю Сяоци какое-то время постоял на прежнем месте, а затем мягким голосом произнес:

- Брат Хань, я знаю, что ты хороший человек. Я повидал за эти годы немало людей, которые не раз обманывали меня. Но ты обладаешь простым разумом, добрым сердцем и превосходно владеешь боевыми искусствами. Я... Пожалуйста, помоги мне.

"Простой разум, доброе сердце..." - Хань Чаншэн едва не задохнулся, получив такой удар в самое сердце от Лю Сяоци. Он просто махнул рукой:

- Иди, иди уже, позже поговорим.

Минутка переводчика:

Оказавшись в своей комнате и заперев за ними дверь, Хань Чаншэн спросил:

- Почему ты пришел?

- Я... я здесь, чтобы увидеть тебя, - пробормотал Лю Сяоци. - Сегодня днем я видел, как ты сражался с эр шисюном на арене. Затем я выследил тебя по запаху.

Хань Чаншэн спросил:

- Выследил меня? Тогда почему ты сам не вошел в гостиницу и не поднялся наверх?

Опустив голову, Лю Сяоци ничего не ответил. Как он мог признаться, что не хотел случайно встретиться здесь с Ань Юанем, своим более везучим соперником?

Не выдержавший ожидания Хань Чаншэн плюхнулся на кровать. Однако, какое-то время

спустя, словно собрав в кулак все свое мужество, юноша поднял на него свой чистый, сияющий взгляд и признался:

- Брат Хань, ты знаешь, что я к тебе чувствую?

Ошеломленный Хань Чаншэн резко помотал своей внезапно одеревеневшей шеей.

- Неа, - почему-то на него накатило дурное предчувствие.

Лю Сяоци подошел почти вплотную к нему и отцепил от своей талии мешочек, в котором, должно быть, держал благовония.

- Прости меня, брат Хань. Но у меня не было другого выбора. В этом мешочке парализующая смесь. Не волнуйся! Она действует временно и не оставляет следов, на следующий день ты проснешься как ни в чем не бывало и ничего не вспомнишь об этом.

Хань Чаншэн попытался поднять руку и выхватить у него этот мешочек, чтобы вышвырнуть его куда-нибудь далеко на пару с этим мелким негодником, посмеявшимся одурманить главу секты. Но не тут-то было: его рука словно свинцом налилась, не желая подчиняться приказам разума.

- Ты?.. - сквозь стиснутые зубы, с огромным трудом выдавил он.

- Ты всегда волнуешься обо мне, - с сияющей улыбкой отозвался Лю Сяоци.

"Как бы не так! Хулиган! Вот только попадись мне под руку!"

- Не переживай, я уже принял противоядие, - смущенно произнес Лю Сяоци, наблюдая, как Хань Чаншэн обессиленно падает спиной на кровать. - Да шисюн... Нет, брат Хань, с момента нашей первой встречи с тобой ты стал для меня светом в этой жизни. Когда ты меня защитил от Юэ Юй'эр, я почувствовал, как мое сердце пронзила сладкая дрожь, - забираясь на кровать, он тихонько вздохнул и с нежной улыбкой продолжил: - Ко мне еще никто не относился так честно и открыто, как ты. Ты не изображаешь любезную улыбку, как эр шисюн, всегда поступая по велению сердца...

Про себя Хань Чаншэн уже лил горячие слезы отчаяния, не в силах встать и дать волю тошноте в каком-нибудь уголке. Он же глава демонической секты!!! Честность, открытость... Его репутация еще никогда не опускалась так низко.

- ...Вот почему я знаю, что ты ничего ко мне не испытываешь и за это тебя не виню. Если бы я мог, то стал бы тенью, помогающей тебе на пути. Но, - он вздохнул, - я слишком бездарен, и моя помощь станет для тебя только обузой. Я все понимаю... Поэтому позволь мне хоть раз, один-единственный раз притвориться, что мои чувства взаимны.

С этими словами он склонился над Хань Чаншэном и прижал свои губы к его губам. С широко распахнутыми глазами беспомощно наблюдавший за этим Хань Чаншэн видел перед собой лишь юношеский пушок на алевших ярким цветом щеках. Сразу же после этого он лишился сознания, подумав: - "Красота этого лаоцзы - страшная сила!"

Одного поцелуя Лю Сяоци показалось недостаточно. Не вполне соображая, что делает, юноша принялся покрывать губы и щеки Хань Чаншэна легкими, с налетом невинности поцелуями. Его опьяняли эти в меру крепкие губы и загоревшая от длительных путешествий гладкая кожа. Наконец, закончив с поцелуями, он приподнялся и посмотрел на слегка припухшие губы своего старшего брата. Не удержавшись, он еще раз прильнул к ним, выдохнув:

- Прости, брат Хань. Я люблю тебя. И обещаю, что этого больше не повторится. Желаю счастья тебе с эр шисюном, ему так повезло... - сказав это, окончательно выбившийся из сил юноша опустился на кровать рядом с Хань Чаншэном и, свернувшись клубочком, словно большой котенок, и сладко зевнув, заснул.

Юэ Юй'эр: - "Вот ведь недотепа, даже в собственном сне умудрился заснуть! Требую продолжения банкета! Или хотя бы малюсенький подзатыльник..."

А тем временем Ань Юань, сидящий перед зеркалом и то и дело бросающий взгляды на странно постанывающего Хань Чаншэна, гипнотическим взглядом смотрел в свои собственные глаза и твердил:

- Ты должен ему доверять, ты должен ему доверять, ты должен ему доверять...

<http://bllate.org/book/14818/1320208>